
ЛЮБОПЫТНАЯ ТЯЖБА

З а м ѣ т к и.

Короткій промежутокъ времени между 1848 г. и 1854—годиной сильнаго разгара крымской кампаніи—памятенъ русской литературѣ по многочисленнымъ тяжбамъ и процессамъ, какіе она вела съ цензурной практикой той эпохи. Почти всегда проигрывая ихъ и выходя изъ всякаго дѣла еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ была, она все-таки не унималась, что объясняется постояннымъ приливомъ новыхъ силъ къ аренѣ ея дѣятельности, возникновеніемъ въ средѣ общества духовныхъ стремленій и нравственныхъ вопросовъ, чувствовавшихъ нужду заявить о своемъ существованіи. Большая часть подобныхъ тяжбъ и препирательствъ происходила по сомнѣніямъ о пригодности или непригодности подсудной статьи въ данную, текущую минуту, но были изъ нихъ и такія, которыя обнаруживали направленіе внутренней политики на почвѣ цензурныхъ распоряженій и затрогивали вопросы русской культуры вообще. Можно пожалѣть, что тяжбы послѣдняго рода не были доселѣ разсказаны тѣми, кто ихъ возбуждалъ, въ качествѣ истцовъ. Къ числу подобныхъ характерныхъ тяжбъ слѣдуетъ отнести и ту, которая возникла по поводу изданія «Сочиненій Пушкина» 1855 г. Одинъ изъ документовъ завязавшагося тогда процесса вокругъ изданія приводится здѣсь, какъ любопытный по выводамъ, которые онъ даетъ относительно духа и образа дѣйствій низшихъ агентовъ тогдашней литературной полиціи.

Документъ этотъ состоитъ просто въ выдержкахъ изъ официальной «записки», которую издатель «Сочиненій Пушкина» 1855 г. получилъ дозволеніе, въ видѣ исключенія изъ общихъ правилъ цензурной практики, подать въ главный цензурный комитетъ. Задача и цѣли «записки» должны были заключаться въ объясненіи

тѣхъ мѣстъ изъ старыхъ и новыхъ, еще неизданныхъ произведеній Пушкина, которыя возбудили сомнѣнія цензора (г. А. Фрейганга), ихъ просматривавшаго, и приговорены были имъ къ исключенію. Дозволенію этому, какъ рѣдкому примѣру снисходительности въ лѣтописяхъ цензурнаго вѣдомства, предшествовала еще, какъ было слышно, предварительный обмѣнъ мыслей въ самой администраціи надзора надъ печатью. Попечитель петербургскаго учебнаго округа М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, одобрившій и утвердившій всѣ поправки своего цензора, выражалъ, по слухамъ, мнѣніе, что такая поблажка издателю могла бы послужить дурнымъ примѣромъ для авторовъ вообще, постоянно заявляющихъ нестерпимую претензію знать причины цензурныхъ распоряженій, до нихъ касающихся. Министръ народнаго просвѣщенія А. С. Поровъ, получившій литературное образованіе, склонялся на сторону представленія объясненій, а также и другой членъ комитета, начальникъ штаба корпуса жандармовъ, генералъ Л. В. Дубельтъ, который не находилъ опасности для дѣйствующихъ по печати законовъ въ допущеніи «записки», ни для кого не обязательной при рѣшеніи спорныхъ пунктовъ. Ихъ мнѣніе и одержало верхъ.

Понятно, какой осторожностію и сдержанностію должна была отличаться записка, если хотѣла спасти, хотя бы отчасти, Пушкинскій текстъ въ этой послѣдней и безапелляціонной инстанціи для исковъ литературнаго характера. Дѣло казалось съ перваго взгляда необычайно легкимъ. Ни одно мѣсто изъ статей Пушкина, ни одинъ стихъ изъ его пѣсенъ и отрывковъ, заподозрѣнныхъ цензоромъ и присужденныхъ имъ къ устраненію, не заключали въ себѣ и тѣни злонамѣренности, неприличія, какого-либо намека или соблазна, какъ въ томъ могутъ убѣдиться сами читатели по «выдержкамъ», гдѣ всѣ эти мѣста собраны. Но простой, настоящій ихъ смыслъ былъ затемненъ въ глазахъ цензора, который, между прочимъ, пользовался репутаціей тонкаго эксперта по части отгадки тайныхъ авторскихъ намѣреній, благодаря только его привычкѣ встрѣчать всякую незаурядную мысль и сильное чувство вопросомъ объ ихъ происхожденіи и по своему усмотрѣнію опредѣлять, благонадежно ли оно и имѣетъ ли прямая доказательства своей законности... Обличенію этой постоянной заботы г. цензора, увлекавшей его далеко въ сторону отъ разбираемаго текста, и указанію, до какихъ неимовѣрныхъ рѣшеній она довела его, посвящена исключительно и вся «записка» издателя.

Но поучительная сторона приводимыхъ «выдержекъ» изъ «записки» все-таки заключается не въ этомъ обличеніи, а въ тонѣ, въ приемахъ рѣчи и въ доводахъ, какіе понадобились издателю для того, чтобы заставить себя выслушать и имѣть право рассчитывать на нѣкоторый успѣхъ. Исполняя свою спеціальную задачу—объясненіе мыслей, словъ и выраженій поэта,—трактатъ держится на такомъ уровнѣ понятій, прибѣгаетъ къ помощи такого рода соображеній, что рисуетъ степень развитія и умственное настроеніе людей, для которыхъ онъ назначался, а также и положеніе печати за 25 лѣтъ назадъ. Приходилось держаться исключительно того способа понимать предметы, который одинъ могъ доставить доводамъ «записки» силу убѣжденія и внушить къ нимъ довѣренность. Составитель ея ищетъ аргументовъ для защиты своихъ положеній и требованій не во внутренней правдѣ, которая въ нихъ заключалась или могла заключаться, а въ той счастливой случайности, что они не противорѣчатъ ни одной изъ господствующихъ идей въ обществѣ. Вся «записка», такимъ образомъ, получила характеръ и оттѣнокъ *адвокатской* рѣчи, произнесенной въ защиту безпомощнаго кліента, нуждающагося въ снисхожденіи своихъ судей, и странное впечатлѣніе производитъ теперь вся ея аргументація, когда вспомнишь, что кліентомъ тутъ былъ никто иной, какъ Пушкинъ.

Для полнаго пониманія состава и цѣнности той ставки, около которой шла эта цензурная игра — должно сказать слѣдующее. При самомъ возникновеніи мысли объ изданіи сочиненій поэта, воспослѣдовало, какъ всѣмъ тогда было извѣстно, высочайшее повелѣніе, предоставлявшее покойной Натальѣ Николаевнѣ Ланской, матери и попечительницѣ дѣтей Пушкина, право на повтореніе въ новомъ, предполагавшемся изданіи всѣхъ произведеній поэта, безъ исключенія, напечатанныхъ въ посмертномъ изданіи 1838—41, которое тоже обязано было своимъ осуществленіемъ единственно прямому вмѣшательству и указанію верховной власти. Такимъ образомъ главный матеріалъ всего предпріятія былъ на готовѣ и притомъ уже изъятый отъ всякаго рода браковки. Безъ охранной грамоты, данной ему вновь упомянутымъ распоряженіемъ, которое сдерживало въ границахъ приличія и разума ревность литературной полиціи — неизвѣстно что стало бы съ доброй частію литературнаго достоянія поэта, уже столько лѣтъ находившагося въ обладаніи читающей публики. По крайней мѣрѣ, изъ прилагаемаго документа оказывается, что цензоръ заносилъ руку и на стихотворенія, давно обшесшія, въ старомъ изданіи, весь русскій міръ и, между прочимъ, на патристическую

пѣснь «Герой», доказывая тѣмъ еще разъ, что охрана государственныхъ началъ, устроенная на бюрократическую ногу, часто теряетъ изъ вида, въ погонѣ за призраками, ею созданными, ту самую цѣль, ради которой она и существуетъ.

Понятно, что стихотворенія Пушкина, разсѣянные по старымъ нашимъ журналамъ, начиная съ 1814 г., и не попавшія въ посмертное изданіе 1838 г., а также статьи, отрывки и всё сокровища его музы, почерпнутыя въ его рукописяхъ, уже не пользовались благодѣяніемъ охраннаго листа и оставались безъ защиты. О нихъ именно и шло все дѣло.

Въ томъ же положеніи находились еще и «Матеріалы для біографіи Пушкина» и «Примѣчанія къ его произведеніямъ», собранныя самимъ издателемъ, но тутъ уже составитель ихъ зналъ, при какой обстановкѣ и въ какихъ условіяхъ онъ работаетъ и могъ принимать мѣры для огражденія себя отъ непосредственнаго вліянія враждебныхъ силъ. Оно такъ и было. Не трудно указать теперь на многія мѣста его біографическаго и бібліографическаго труда, гдѣ видимо отражается страхъ за будущность своихъ изслѣдованій и гдѣ бросаются въ глаза усилія предупредить и отвратить толкованія и заключенія подозрительности и напуганнаго воображенія отъ его выводовъ и сообщеній.

Можно сказать—и уже было говорено, что дополненіе изданія вновь открытыми или позабытыми произведеніями Пушкина не имѣло той важности, какую ему придавали въ то время. Остатки пушкинскаго творчества, рано или поздно, все-таки увидали бы свѣтъ. Вѣдь не могли же они пропасть безслѣдно: появленіе ихъ составляло только вопросъ времени, которое и постаралось бы разрѣшить эту задачу и, конечно, съ большимъ успѣхомъ, болѣе полнотой и въ болѣешихъ размѣрахъ, чѣмъ какъ то оказалось возможнымъ для нетерпѣливыхъ собирателей. Досто-вѣрно, по крайней мѣрѣ, что, предоставивъ работу будущимъ и болѣе свободнымъ эпохамъ, не встрѣтилось бы печальной необходимости жертвовать стихами, строфами, періодами пушкинскаго текста для сбереженія остальнаго клочка его раздробленной мысли, какъ это случилось и должно было случиться со многими отрывками и цѣльными его произведеніями, при несвоевременномъ ихъ опубликованіи. Торопиться и хлопотать о немедленномъ ихъ обнаруженіи было поэтому незачѣмъ.

Позволительно усумниться въ основательности этихъ замѣчаній. Подчинять всё многообразныя побужденія къ дѣятельности въ жизни спокойному, дѣльному и безстрастному умствованію о несостоятельности, ихъ ожидающей несомнѣнно при извѣстныхъ

данныхъ въ обществѣ, врядъ ли значило оказывать услугу этому обществу. Въ настоящемъ случаѣ даже и не видно, какимъ образомъ издатель могъ бы, опираясь на трезвое пониманіе эпохи, устранитья отъ исполненія своей прямой обязанности издателя. Онъ *долженъ* былъ питать желаніе ознакомить публику, хотя отчасти, съ объемомъ неожиданно доставшагося ей художническаго наслѣдства; онъ не имѣлъ права освободиться отъ побужденія представить публикѣ сборникъ произведеній поэта настолько полный, насколько позволяла настоящая минута, и ввести въ него все то, что могло весьма мирно ужиться съ социальнымъ положеніемъ тогдашняго общества. Если даже и при этомъ онъ встрѣтилъ еще препоны на своемъ пути, онъ обязанъ былъ одолѣть ихъ, хотя бы для устраненія противниковъ приходилось употреблять оружіе, у нихъ же отобранное или позаимствованное. Точно такими же соображеніями руководилась и вся тогдашняя печать наша, когда, не зная устали и не обращая вниманія на пораженія, — она безпрестанно предъявляла новые иски къ цензурѣ и вела ихъ тѣми же способами и приѣмами, какіе употребилъ и составитель «записки», хотя масштабы тяжбъ были тутъ иные. О вѣрности этого замѣчанія могутъ свидѣтельствовать оставшіеся еще въ живыхъ дѣятели той эпохи. Вообще слѣдуетъ сказать, что сильно ошибаются тѣ изъ нашихъ современниковъ, которые представляютъ себѣ положеніе русской литературы въ описываемый промежутокъ времени исключительно и безусловно страдательнымъ и отличавшимся будто бы одной примѣрной инерціей и выносливостію. Писатели, издатели, труженики всѣхъ родовъ, напротивъ, много и дѣятельно работали тогда и притомъ двойнымъ трудомъ — по своимъ специальнымъ задачамъ, во-первыхъ, и, во-вторыхъ, по борьбѣ съ обстоятельствами, которыя застигли имъ свѣтъ и заслоняли дорогу, что становилось какъ-бы необходимымъ дополненіемъ избранной профессіи. Глухая война, безнравственная во многихъ своихъ подробностяхъ, царствовала по всему пространству интеллигентнаго міра публицистовъ, литераторовъ, ученыхъ, и она-то именно и спасла всѣ зародыши развитія и мысли, какіе существовали въ обществѣ. Если нравственныя и умственныя силы общества оказались на лицо и даже въ значительномъ обиліи тотчасъ же, какъ сняты были первыя путы, мѣшавшія ихъ движенію, то этотъ несомнѣнный фактъ нашей жизни, удивившій многихъ, а нѣкоторыхъ и непріятно, подготовленъ былъ всецѣло предшествовавшимъ періодомъ литературы. Главнѣйшіе ея дѣятели ни на минуту не

сомнѣвались за всю эту эпоху въ неизбежномъ появленіи дня *свободнаго труда*, котораго и дождались.

Переходимъ къ документу нашему, снабжая его отмѣтками касательно участи, которая постигла каждое изъ осужденныхъ мѣстъ пушкинскаго творчества въ окончательной ихъ провѣркѣ.

Выдержки изъ объяснительной записки, поданной издателемъ «Сочиненій Пушкина», 1855—57, главному цензурному комитету въ 1854 г.

1.

Мѣста изъ неизданныхъ Пушкинскихъ произведеній, вошедшія въ составъ „Матеріаловъ для біографіи поэта“ и предложенныя къ исключенію г. цензоромъ.

I.

Къ исключенію:

„На об. страницы 69 (по рукописи) не попавшіе въ печать—по выраженію издателя—отдѣльные стихи изъ предисловія къ поэмѣ „Кавказскій Пльнникъ“:

а) Когда я *погибалъ безвинный, безотрадный,*

И шопоть клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ,

Когда винжалъ измѣны хладной,

Когда любви тяжелый сонъ

Меня терзали и мертвиди,

Я близъ *тебя...*

б) Я рано скорбь узналъ, *постигнутъ былъ юненьмъ,*

Я жертва клеветы и мстительныхъ невѣждъ,

Но сердце укрѣпивъ надеждой птерпѣньемъ;

в) Когда роскошныхъ дѣвъ веселья

Младыми розами вѣнчалъ.

И жаръ безумнаго похмѣлья

Минутной страсти посвящалъ...

Объясненія издателя.

Мѣста эти изъ предисловія къ „Кавказскому Пльннику“ совершенно въ томъ же духѣ написаны, какъ и настоящее предисловіе къ нему, которое всегда прилагалось при поэмѣ (и нынѣ будетъ приложено). Они не содержатъ никакого намека на людей, ибо принадлежать къ *байроническому* направленію, которое въ то время (1822) было въ модѣ. Въ біографіи, издатель еще представляетъ эти мѣста, какъ образецъ неудачнаго желанія произвестъ поэтическое лицо на ложныхъ основаніяхъ, и приводитъ слова Пушкина, который въ томъ сознавался самъ, отъ чего отрывки имѣютъ важное значеніе для біографіи—во-первыхъ, какъ поученіе будущимъ писателямъ, а во-вторыхъ, какъ подробность для картины развитія поэтическаго таланта въ самомъ авторѣ.

(Отрывки получили дозволеніе явиться въ печати).

II.

Къ исключенію:

а) „На стр. 95 и об. (по рукописи) мнѣніе о Шуйскомъ и сравненіе французскаго короля Генриха IV съ Дмитріемъ Самозванцемъ“:

„Я такъ же намѣренъ возвратиться къ Шуйскому. Онъ представляетъ въ исторіи странное смѣшеніе дерзости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, онъ одинъ изъ первыхъ переходитъ на сторону Дмитрія, первый начинаетъ заговоръ и замѣтаетъ—онъ же первый и старается воспользоваться сумятицей, кричать, обвинять, изъ начальника дѣлается сорванцомъ. Онъ уже близокъ къ казни, но Дмитрій съ тѣмъ великодушіемъ вѣтренности, которая отличала этого пройдоху, даетъ ему помилованіе, изгоняетъ его и снова возвращаетъ ко двору своему, осыпая честью и щедротами. И что-же дѣлаетъ, уже стоявшій разъ подъ топоромъ? Тотчасъ же принимается за новый заговоръ, успѣваетъ, захватываетъ престолъ, падаетъ и въ паденіи своемъ уже показываетъ болѣе достоинства и душевной силы, чѣмъ въ продолженіе всей своей жизни.

„Дмитрій сильно напоминаетъ Генриха IV. Онъ храбръ и хвастливъ, какъ тотъ. Оба перемѣняютъ религію для политическихъ видовъ, оба любятъ войну, удовольствія, оба наклонны къ необыкновеннымъ предпріятіямъ и оба служатъ цѣлью многочисленныхъ заговоровъ. Но Генрихъ не имѣлъ Ксенія на совѣсти; правда, что это ужасное обвиненіе еще не доказано, и я считаю своей обязанностію ему не вѣрить.

„Грибодовъ не доволенъ былъ Иовомъ“.

б) На стр. 282—284 (по рукописи) во французскомъ письмѣ Пушкина о Борисѣ Годуновѣ, кромѣ текста, соот-

Объясненія издателя.

Эти мѣста изъ писемъ Пушкина на французскомъ языкѣ о своей трагедіи «Борисъ Годуновъ» (пѣз перевода ихъ на русскій языкъ издателемъ) заключаютъ сужденія поэта объ исторической трагедіи вообще. Въ правилахъ о цензурѣ (статья 10-я) выражено:... „Всякое общее описаніе или свѣдѣніе касательно исторіи, географіи и статистики Россіи дозволяется цензурою, если только изложено съ приличіемъ и безъ нарушенія общихъ цензурныхъ правилъ“. Письма Пушкина не противорѣчатъ предписанію закона и потеря ихъ была бы значительнымъ пробѣломъ въ исторіи трагедіи „Борисъ Годуновъ“. Уже извѣстно глубокое уваженіе Пушкина къ Карамзину. Въ описаніи Шуйскаго, онъ слѣдуетъ во всемъ указаніямъ историка, справедливо назвавшаго гонителя фамиліи Романовыхъ—хитрымъ царедворцемъ, захватившимъ престолъ, который не ему слѣдовало занять. Въ характеристикѣ Д. Самозванца, Пушкинъ дозволяетъ себѣ сдѣлать сравненіе съ королемъ Генрихомъ IV, но только въ одномъ отношеніи легкости, хвастливости и волюнтаризма. Что касается до Марины Мнишекъ, то коварное честолюбіе ея очерчено ярко Пушкинныи п, кажется, нѣтъ причины—щадить эту женщину, образецъ западной и польской цивилизаціи, произведшей подобное существо. Все остальное—бѣглые историческіе очерки, а потомъ сужденіе о законахъ трагедіи, которые Пушкинъ полагалъ только въ истиннѣ характеровъ, все прочее считая второстепеннымъ. Вотъ почему и сказалъ въ виду классиковъ и романтиковъ, воевавшихъ тогда между собой на бумагѣ: „Si je me mêlai de faire une préface—(къ В. Годунову), *je ferais du scandale*“¹⁾, что переведено у изда-

¹⁾ Фраза тоже предложена къ исключенію г. цензоромъ.

вѣтствующаго вышеприведенному отрывку, *подчеркнуто* слѣдующее мѣсто:

„Ma tragédie... est remplie de bonnes plaisanteries et d'allusions fines à l'histoire de ce temps-là... Quant aux grosses indécences—n'y faites pas attention“.

с) Такъ же точно указано къ исключенію и мѣсто о Маринѣ Мнишекѣ и о предѣлѣ поэта. О первой:

„Après avoir goûté de la royauté—voyez-la, ivre d'une chimère, se prostituer d'aventurier en aventurier, partager tantôt le lit dégoûtant d'un juif, tantôt la tente d'un cosaque, toujours prête à se livrer à quiconque qui peut lui présenter la faible espérance d'un trône qui n'existait plus“.

О предѣлѣ Пушкина:

„Гаврило Пушкинъ est un de mes ancêtres; je l'ai peint tel que je l'ai trouvé dans l'histoire et dans les papiers de ma famille. Il a eu de grands talents. Homme de guerre, homme de cour—c'est lui et Плещеевъ, qui ont assuré le succès de Самозванецъ par une audace inouïe“.

(Издателю сочиненій Пушкина не удалось однакожь, пожертвованіемъ двухъ эпитетовъ въ опредѣленіи личности Дмитрія, провести замѣтку о немъ поэта вполне. Изъ печатнаго текста писемъ мы видимъ, что мѣсто, гдѣ находилось сравненіе Дмитрія съ Генрихомъ IV и гдѣ упоминалось имя Ксеніи, все-таки исключено изъ изданія. Въ-замѣнъ, объясненія издателя помогли пройти въ печать бойкимъ характеристикамъ личностей Шуйскаго, Марины Мнишекъ, Гаврилы Пушкина. вмѣстѣ съ ними дозволены къ обнародованію и всѣ отрывочныя фразы писемъ, начиная съ замѣтки Грибоѣдова объ Ювѣ и кончая тѣми, которыя видимо испугали цензора только словами, въ нихъ заключавшимися: *plaisanteries, indécences, scandale*. Впрочемъ мы знаемъ, по черновымъ оригиналамъ этихъ самыхъ писемъ, съ которыми публика ознакомилась недавно на Пушкинской выставкѣ, что нѣсколько фразъ и незначительныхъ замѣтокъ исключено было изъ нихъ самимъ издателемъ и по весьма понятнымъ причинамъ. Какъ бы подѣйствовала, напримѣръ, на подозрительнаго судью добавочная фраза Пушкина къ замѣчанію, что надо повимать намеки его трагедіи, подобному тому, какъ это было необходимо для

тебя: „Если бы я вздумалъ написать предисловіе (къ Б. Годунову), не *обойшлось бы безъ шума*“.

Во всѣхъ этихъ писмахъ могутъ подлежать исключенію развѣ два слова для ослабленія мысли, въ сущности безвредной, именно при описаніи Дмитрія въ періодѣ: „Дмитрій съ тѣмъ *великодушнѣмъ вѣтренности*, которая отличала этого *любезнаго* пройдоху...“ Можно было бы выбросить слова: любезнаго и великодушнѣмъ.

«*нашихъ домашнихъ бездѣлушекъ Кіева и Каменки*» (comme dans nos sous-oeuvres de Kiow et de Kamenka), или мѣсто, слѣдовавшее за фразой «*Грибодовъ не доволенъ былъ Говомъ: И—справедливо. Патриархъ былъ очень умнымъ человекомъ, а я, по разсѣянности, сдѣлалъ изъ него простака*» (Le patriarche, il est vrai, était un homme de beaucoup d'esprit, j'en ai fait un sot par distraction). Въ то подозрительное и суровое время для печати, они могли бы повлечь запрещеніе писемъ Пушкина о «Б. Годуновѣ» цѣликомъ, какъ произведеній сомнительнаго духа и настроенія. А письма эти, конечно, стоили сохраненія: это драгоценный примѣръ того, какъ исторія и ея главныя лица отражаются въ умѣ гениальнаго художника).

III.

Приговоры г. цензора.

На стр. 104 (по рукописи), къ исключенію Пушкинскаго размышленія:

«Искренно признаюсь, что я воспитавъ въ страхѣ почтеннѣйшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и слѣдовать духу времени. Это первое признаніе ведетъ къ другому, болѣе важному: такъ и быть, каюсь, что я въ литературѣ скептикъ (чтобъ не сказать хуже) и что всѣ ея *секты* для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. *Обряды* и формы должны ли суевѣрно порабощать литературную со- вѣсть?»

Объясненія издателя.

Исключеніе этого мѣста можетъ быть только объяснено словами *секты* и *обряды*, употребленными тутъ невзначай, ибо само мѣсто относится къ спору о классицизмѣ и романтизмѣ, въ которомъ принялъ участіе и Пушкинъ, помѣщено именно при описаніи этого спора и никакого отношенія ни къ чему другому не имѣетъ. Объ угожденіи вкусу публики упоминаетъ Пушкинъ пространно, что публика наклонна къ классицизму и что нѣтъ никакого стыда для писателя подчиняться этому требованію. Другого смысла никакого тутъ и быть не можетъ: такъ ясно, опредѣленно все высказано. Если дѣйствительно слова: *секты*, *обряды* не терпимы въ отрывкѣ, то слово *секты* можетъ быть замѣщено словами *партии* или *школы*, а слово *обряды* словомъ *устава* или *правила*.

(Отрывокъ Пушкина былъ одобренъ къ печатанію безъ измѣненій, какъ знаемъ изъ печатнаго текста. Иронія предложенія замѣнить одни невинныя слова другими, столь же невинными, была почувствована и комитетомъ... Но какія мысли ходили въ головѣ цензора, когда онъ указывалъ на это мѣсто, какъ на предосудительное?)

IV.

Къ исключенію:

На стр. 112 и об. (по рукописи) рѣзкое мнѣніе Пушкина о Державинѣ въ письмѣ къ Дельвигу:

«По твоёмъ отъѣздѣ перечелъ я Державина всего,—и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этого чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ ниже Ломоносова). Онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія: вотъ почему онъ и долженъ бѣснѣть всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы (исключая чего—знаешь). Что же въ немъ? Мысли, картины и движенія, истинно поэтическія. Читая его, кажется, читаешь дурной, вольный переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника... Державинъ, со временемъ переведенный, изумитъ Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего, что мы знаемъ о немъ. У Державина должно будетъ сохранить одъ восемь, да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ С*. Жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ. Довольно о Державинѣ».

Объясненія издателя.

Это мнѣніе Пушкина о Державинѣ принадлежитъ къ 1825 году, но здѣсь издатель проситъ обратить вниманіе на одно обстоятельство. Онъ помѣстилъ именно этотъ отрывокъ для того, чтобъ показать, какъ съ теченіемъ времени и съ накопленіемъ опытности, идей и развитія мыслящей способности, Пушкинъ измѣнялъ постепенно свои сужденія объ авторахъ къ лучшему. Все это пространно изложено вслѣдъ за отрывкомъ. Такимъ образомъ отрывокъ дѣлается въ біографіи поучительнымъ примѣромъ, какъ истинно замѣчательный писатель поправляетъ собственные свои сужденія и предостерегаетъ другихъ отъ раннихъ увлеченій, кончающихся неизбѣжно раскаяніемъ. Въ этомъ его моральное значеніе... Съ этой точки, издатель проситъ и судить его выборъ изъ рукописей, а не отдѣльно, безъ связи съ главной мыслью и главной задачей его біографіи. Со всѣмъ другое дѣло, если бы приведенный отрывокъ сопровождался у него киченіемъ, желаніемъ ослабить уваженіе къ призваннымъ заслугамъ или даже равнодушіемъ къ прежнимъ славнымъ писателямъ; все это наоборотъ въ біографіи, что можетъ быть подтверждено какъ свидѣтельствомъ самаго г. цензора, такъ и начальства, разбивавшаго его трудъ.

(Сужденіе о Державинѣ явилось въ свѣтъ не тронутымъ, но сколько потребовалось труда на изобрѣтеніе мотивовъ, которые оправдывали бы смѣлость представленія его на судъ цензуры! Въ патетической рѣчи издателя, ему пришлось даже сослаться на чистоту и благонамѣренность своихъ побужденій! И все это по поводу одной замѣтки о Державинѣ! Дѣло объясняется существованіемъ тогда общаго цензурнаго мѣропріятія, по которому не должна была допускаться къ обнародованію никакая критическая оцѣнка старыхъ классическихъ писателей, если она

можетъ умалить ихъ авторитетъ. Распоряженіе было вызвано доносами на критическіе разборы литературы В. Г. Бѣлинскаго, будто бы оскорбляющіе народную гордость и помрачающіе славу великихъ мужей Россіи. Издателю «Сочиненій Пушкина» предстояло обойти это распоряженіе. Онъ принужденъ былъ для этого даже включить, при печатаніи текста Пушкинскаго письма, подстрочное примѣчаніе, въ которомъ повторяется почти буквально мысль объясненія, вѣрная въ томъ смыслѣ, что въ позднѣйшій періодъ жизни Пушкинъ вообще относился съ великимъ вниманіемъ и большою снисходительностію къ старымъ нашимъ писателямъ. Благодаря этимъ приемамъ, письмо Пушкина прорвалось сквозь изумительное распоряженіе, лишавшее общество права оцѣнивать своихъ писателей, доставило литературѣ возможность воспользоваться, при случаѣ, прецедентомъ, примѣромъ отступленія цензуры передъ собственнымъ стѣснительнымъ постановленіемъ и, наконецъ, ознакомило публику съ чрезвычайно мѣткимъ и остроумнымъ опредѣленіемъ Державина, сдѣланнымъ лѣтъ 18 ранѣе подобнаго же опредѣленія В. Г. Бѣлинскаго. Фраза: «геній его (Державина) можно сравнить съ геніемъ С*», должна читаться... «съ геніемъ Суворова»).

V.

Къ исключенію:

На стр. 139 и об. (по рукоп.), стихотвореніе Пушкина о собственной его жизни:

«Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ
страхѣ,

*Въ безумствѣ тибельной свободы,
Въ неволяхъ, въ бѣдности, въ чужихъ стѣ-
нахъ*

Мои утраченные годы!

Я слышу вновь друзей предательскій
привѣтъ

На играхъ Вакха и Киприды
И сердцу вновь наноситъ хладный
свѣтъ

Неотразимыя обиды.

И нѣтъ отрады мнѣ — и тихо передо
мною

Встаютъ два призрака младые,

Объясненія издателя.

Это истинно гениальное стихотвореніе составляетъ одно изъ украшеній русской литературы и принадлежитъ къ роду лирическому, описывающему личныя ощущенія поэтовъ. Оно выражаетъ глубокое чувство раскаянія души, потрясенной воспоминаніями своихъ проступковъ. Въ этомъ родѣ и теперь безпрестанно пишутся и печатаются стихотворенія (разумеется, гораздо меньшаго достоинства), легко получая цензурное одобреніе, такъ какъ изложеніе душевныхъ ощущеній составляетъ сущность произведеній лирическаго рода, безъ чего онъ обойтись уже не можетъ. Слѣдуетъ замѣтить высокое нравственное значеніе Пушкинскаго стихотворенія, въ которомъ онъ самъ оцѣниваетъ прежнюю свою жизнь по справедливости и ви-

Двѣ тѣни милья—два данные судьбой
Мнѣ; ангела во дни былые.

Но оба съ крыльями п съ пламеннымъ
мечомъ,

И стерегутъ—и мстятъ мнѣ оба,

И оба говорятъ мнѣ мертвымъ язы-
комъ

О тайнахъ вѣчности и гроба.

19 мая 1828.

дять ея недостатки—залогъ будущаго исправленія. Стихотвореніе такъ же важно для отечественной словесности, какъ и для узнанія души поэта. Въ этомъ же родѣ составлена извѣстная, знаменитая (Высочайше уже дозволенная) пьеса его: «Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день». Предлагаемое стихотвореніе служитъ только продолженіемъ его. Издатель почти увѣренъ, что оно, по неимѣнію ясно противоцензурныхъ условій, будетъ допущено въ какомъ-нибудь журналѣ и тѣмъ лишитъ биографію дорогаго пріобрѣтенія, а его самого справедливой чести перваго открытателя.

(Два подчеркнутыхъ стиха въ текстѣ стихотворенія, возбудившіе сомнѣнія у г. цензора, могли повлечь, по тогдашней цензурной практикѣ, запрещеніе всей пьесы, чего, къ счастью, не случилось и отрывокъ прошелъ благополучно, съ сохраненіемъ и заподозрѣнныхъ стиховъ).

VI.

Къ исключенію:

На стр. 84 (по рукоп.), отрывки о
бессмертій души (написанные Пушки-
нымъ, какъ произведеніе Ленскаго,
одного изъ дѣйствующихъ лицъ его
романа: «Евгеній Онегинъ»).

*«Надеждой сладостной младенчески
дыша,
Когда бы открылъ я, что никогда душа,
Могилу переживъ, уносятъ мысли
вѣчны,
И память, и любовь въ пучины беско-
нечны—
Клянусь! давно бы я покинулъ груст-
ный міръ,
Узрѣлъ бы я предѣлъ восторговъ, на-
слажденій,
Предѣлъ, гдѣ смерти нѣтъ, гдѣ нѣтъ
предразсужденій,
Гдѣ мысль одна живетъ въ небесной
чистотѣ;
Но тщетно предаюсь пылительной
мечтѣ».*

Объясненія издателя.

Стихи эти представлены Пушкинымъ какъ образецъ тяжелыхъ, нелѣпыхъ Оссіяновскихъ стиховъ, какими занимался Ленскій—дѣйствующее лицо въ «Онегинѣ». Они написаны съ цѣлью пародировать и предать насмѣшкѣ подобныя философствованія, а не съ цѣлью выставить ихъ на показъ, что и самъ онъ объясняетъ далѣе. Для ослабленія всякой, самой легкой двусмысленности въ нихъ слѣдуетъ, можетъ быть, выпустить первый стихъ и всю пьесу пачать со втораго.

(Въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», 1855, эта пьеса, дозволенная къ печатанію безъ выпусковъ, сопровождается то же примѣчаніемъ (Сочин. Пушк. 1855, т. I стр. 328), повторяющимъ сполна доводы «объясненія», чему одинъ примѣръ мы видѣли уже и прежде. Предложеніе издателя выпустить первый стихъ, оказавшееся не нужнымъ, видимо сдѣлано было для того, чтобы сохранить отрывку какой-либо смыслъ, потому что съ устраненіемъ 3-хъ стиховъ (они подчеркнуты въ оригиналѣ), какъ предлагалъ г. цензоръ, весь отрывокъ превращался въ чистѣйшую бессмыслицу. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, ему подобныхъ, происходило нѣчто сходное съ выбрасываніемъ за бортъ части багажа для спасенія корабля, одолѣваемаго бурей. Сравненіе рисуетъ также и положеніе литературы того времени).

VII.

На стр. 136 (по рук.), отрывокъ изъ письма Пушкина о программѣ газеты, которому дозволено ему было издавать (въ 1832 г.):

«Онъ (Пушкинъ) получилъ дозволеніе на изданіе газеты, но почти на другой же день писалъ съ досадою: «какую программу хотите вы видѣть: извѣстія о курсѣ, о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ: вотъ вамъ и вся программа. Я хотѣлъ уничтожить монополію... Остальное мало меня интересуетъ», и проч.

Смыслъ этого мѣста не можетъ, кажется, подлежать сомнѣнію, если принять въ соображеніе разсказъ біографин. Въ 1832 г. Пушкинъ получилъ дозволеніе на изданіе газеты, но по непривычкѣ къ дѣлу и своей неспособности быть редакторомъ всенедельной газеты, дозволеніемъ не воспользовался. Друзья его ожидали между тѣмъ отъ газеты чего-то новаго, необыкновеннаго, и тогда, для охлажденія ихъ разспросовъ, Пушкинъ съ той трезвостью ума, которая его оставляла только въ несчастныя минуты страсти, написалъ вышеприведенныя укоризненныя строки.

(Отрывокъ получилъ дозволеніе явиться въ печати, но остается загадкою: какъ могъ явиться вопросъ о его непригодности къ тому?)

VIII.

Къ исключенію:

На стр. 268, 271, 274, нѣкоторыя выраженія въ сказкахъ Арины Родіоновны.

«Царь женился на меньшей и съ первой ночи она понесла».

Объясненія издателя.

Всѣ эти мѣста принадлежатъ къ сказкамъ няни Пушкина, Арины Родіоновны, со словъ которой онъ ихъ записалъ и которыя послужили для составленія стихотворныхъ сказокъ какъ

«Одинъ изъ сыновей уродился чудомъ, ноги серебряныя, руки золотыя и проч.».

«Царь пьетъ изъ проруби; кто-то его хватъ за бороду и не выпускаетъ... Царь взмолился... Задумался бѣдный царь».

«Царь (другой, подземнаго царства) повелѣваетъ Ивану Царевичу построить церковь въ одну ночь. Царевна, обратясь въ муху, является къ нему: не печалься, Иванъ Царевичъ, скинь портеи, повѣсь на шестокъ, да спи, а завтра возьми молоточекъ, ходи около церкви... Царевичъ думалъ, думалъ и наконецъ сказалъ: а ну же его! повѣситъ такъ повѣситъ, голова мнѣ не дорога... Поутру церковь готова».

«Марья Царевна превращаетъ Ивана Царевича въ церковь, а себя въ священника... церковь ветха, священникъ старъ».

самому Пушкину, такъ и В. А. Жуковскому. Всѣ эти выраженія, какъ: *съ первой ночи понесла, уродился чудомъ, хватъ за бороду* (первая фраза воспроизведена цѣликомъ въ Высоч. дозволенной уже сказкѣ Пушкина: Царь Салтанъ, а вторая буквально повторена въ сказкѣ В. А. Жуковского: Царь Берендей), кажется, имѣютъ характеръ простодушія, отстраняющій всякую мысль о соблазнѣ, и врядъ-ли могутъ ввести въ искушеніе даже очень простаго человѣка. Фразу: скинь портики—издатель, самъ исключавшій подобныя выраженія, просмотрѣлъ въ теченіи своей работы.

(Обороты и образы народнаго языка, такъ развязно вырванные г. цензоромъ изъ безыскусственной рѣчи Арины Родіоновны, благополучно миновали провѣрку и явились вполне въ приложеніи къ «Матеріаламъ для біографіи Пушкина», 1855 (см. т. I, стр. 438), за исключеніемъ фразы: скинь портеи, повѣсь на шестокъ—уступленной и самимъ издателемъ, такъ какъ не подлежало уже сомнѣнію, что она обречена будетъ во всякомъ случаѣ на изгнаніе изъ печатнаго текста).

IX.

Къ исключенію:

Объясненія издателя.

Слѣдующіе подчеркнутые стихи въ различныхъ отрывкахъ и цѣльныхъ пьесахъ Пушкина:

а.

«Не женщины любви насъ учать,
А первый *накостный* романъ».

б.

«Мой недочитанный разсказъ
Въ передней кончитъ вѣкъ позорный,
Какъ Инвалидъ или Календаръ».

с.

«Въ пещерѣ тайной, въ *день юненья*,

Истинный смыслъ подчеркнутыхъ стиховъ въ разныхъ отрывкахъ, здѣсь прилагаемыхъ, не имѣетъ какого-либо двойного или соблазнительнаго значенія, иначе онъ, издатель, первый не допустилъ бы этихъ отрывковъ въ слою біографію, какъ онъ уже сдѣлалъ со многими другими, ему представлявшимися.

а.

Авторъ говоритъ здѣсь о вредѣ ранняго чтенія романовъ и употребляетъ

Читалъ я *сладостный* коранъ —
Внезапно ангелъ утѣшеня,
Влетѣвъ, принесъ мнѣ талисманъ».

d.

«На мѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ
пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ
харить,
Стоить широкій дубъ надъ важными
гробами,

Колелясь и шума»...

e.

Выраженіе объ александрійскомъ
стихѣ:

«Растрепанъ былъ свободною цензу-
рой».

(Изъ „Домика въ Коломнѣ“).

рѣзкое прилагательное «пажостный»
(впрочемъ, весьма вѣрное въ отноше-
ніи французскихъ романовъ).

b.

Авторъ говоритъ объ Инвалидѣ и
Календарѣ, не какъ объ изданіяхъ
академіи и проч., а какъ о старыхъ
газетахъ и указателяхъ, не нужныхъ
по окончаніи извѣстнаго срока.

c.

Авторъ здѣсь набрасываетъ первый
очеркъ извѣстнаго стихотворенія „Та-
лисманъ“ и заставляетъ говорить му-
сульманина, не имѣя нисколько намѣ-
ренія показать сладость корана и ан-
геловъ Магомета, что было бы совер-
шенною нелѣястію.

d.

Авторъ здѣсь говоритъ о неприп-
чи языческихъ памятниковъ надъ
гробницами, и еще надо прибавить,
что все стихотвореніе, откуда взять
отрывокъ, проникнуто у него глубо-
кимъ христіанскимъ чувствомъ.

e.

Авторъ говоритъ объ александрій-
скомъ стихѣ, вспоминая Буало, — и
хваля его, прибавляетъ, что его стихъ
растрепанъ, т.-е. испорченъ свободной
цензурой во Франціи и успіями
гг. Гюго и др.

(Полученное дозволеніе на сохраненіе всѣхъ этихъ отрыв-
ковъ тѣмъ особенно важно, что оно сберегло отъ искаженія,
при печатаніи, другое драгоцѣнное открытіе въ рукописяхъ Пуш-
кина, именно великолѣпную его думу: «Когда за городомъ, задум-
чивъ, я брожу», что было бы невозможно, если бы указаніе
цензора подъ литерой d было принято во вниманіе).

2.

Мѣста изъ стихотвореній Пушкина, уже напечатанныхъ въ старыхъ альманахахъ и журналахъ и предложенныя г. цензоромъ къ исключенію, съ объясненіями издателя.

I.

Предварительное объясненіе.

Издатель принимаетъ смѣлость сказать нѣсколько словъ о причинахъ, побудившихъ его къ собранію старыхъ произведеній Пушкина для составленія возможно полнаго изданія его, которое могло бы служить образцомъ для послѣдующихъ. При нынѣшнемъ развитіи отечественной библіографіи, когда усилія многихъ людей посвящены исключительно на собраніе остатковъ русской старины и всего, что произведено въ отечествѣ по части литературы ученой и словесной, всякое изданіе безъ характера библіографическаго уже невозможно. При такомъ направленіи, свидѣтельствующемъ о возрождающихся любви и уваженіи ко *всему своему*—строгое исключеніе старыхъ произведеній за нѣкоторую еще юношескую ихъ горячность и даже за нѣкоторое увлеченіе (если оно только не переступаетъ настоящихъ границъ приличія) лишаетъ изданіе настоящаго достоинства его, полноты, системы и выводовъ для науки изящнаго. Самое горькое при этомъ для самого издателя «Сочиненій Пушкина», употребившаго на нихъ трудъ добросовѣстный, состоитъ въ томъ, что произведенія, имъ собранныя, могутъ явиться въ журналахъ и сборникахъ безпрекословно (по неизбѣжно ясныхъ противоцензурныхъ условій), а ему воспрещены. Онъ понесетъ незаслуженный упрекъ отъ публики и отъ критики въ нерадѣніи и неосмотрительности, на которыя уже не будетъ имѣть права и отвѣчать, по закону. Не одинъ онъ занимается теперь, благодаря Бога, отечественнымъ просвѣщеніемъ и собраніемъ всѣхъ его памятниковъ, безъ выключенія даже и самыхъ малыхъ. Вотъ почему старыя произведенія Пушкина уже 5 лѣтъ появляются въ журналахъ: «Современникѣ», «Москвитянинѣ», «Отечественныхъ Запискахъ». Многія изъ нихъ издатель Пушкина отстранилъ, какъ неудобныя къ печатанію, самъ, но по крайней мѣрѣ ходатайствуетъ за тѣ, которыя, по строгому осмотрѣ, выбралъ для представленія высшему цензурному началству. Конечно, если самый тщательный разборъ еще не удостоится вниманія, то изданіе будетъ столь ничтожно, что потребуетъ новаго, которое опять будетъ затруднять управленіе цензуры домогательствами о вмѣщеніи пропущенныхъ стихотвореній и статей. Нынѣшнему издателю, съ другой стороны, грозитъ награда за трудъ, которой онъ, конечно, не ожидалъ. Первый журналъ напечатаетъ стихотворенія, не попавшія въ его сборникъ, и спроситъ: гдѣ были глаза у собирателя?

Текстъ Пушкина съ опредѣленіями и указаніями г. цензора.

Къ исключенію:

На стр. 3 и об. изъ стихотворенія: «Къ другу-стихотворцу».

Объясненія по поводу указаній г. цензора.

Переходя къ замѣткамъ о самихъ стихотвореніяхъ, издатель обязанъ сказать, что пьеса «Къ другу-стихотворцу» была *первая напечатанная*

«Въ деревнѣ, помнится, съ мірянми
 простыми,
 Отшельникъ пожилой и съ мудрыми
 сѣдыми,
 Въ миру съ сосѣдами, въ чести, до-
 вольствѣ жилъ
 И первымъ мудрецомъ у нихъ издавна
 слылъ.
 Однажды, осушивъ бутылки и ста-
 кань,
 Со свадьбы, подъ вечеръ, онъ шелъ,
 немного пьяный;
 Попалися ему на встрѣчу мужики:
 — Послушай, батюшка, сказали про-
 стаяхъ,
 Настави грѣшныхъ насъ: ты пить
 вѣдь запрещаешь,
 Быть трезвымъ всякому всегда пове-
 лѣваешь—
 И вѣримъ мы тебѣ; да что-жь сего-
 дня самъ?..
 — Послушайте, сказалъ отшельникъ
 мужикамъ:
 Какъ... васъ учу, такъ вы и поступайте;
 Живите хорошо; а мнѣ не подра-
 жайте».

пьеса Пушкина—и поэтому известна
 всему читающему русскому міру. Она
 появилась въ журналѣ: «Вѣстникъ Ев-
 ропы» 1814 г. Окончаніе ея, здѣсь пред-
 ставленное къ исключенію, можетъ
 быть еще ослаблено и лишено всякаго
 неприличнаго намека выпускомъ слова
 «батюшка», въ 8-мъ стихѣ.

(Для пониманія странной цѣли предварительнаго объясненія, которое отстаивало, всѣми возможными соображеніями, ту истину, что для полнаго собранія сочиненій необходимо включить въ него и произведенія автора, найденныя въ старыхъ журналахъ,—надо вспомнить еще разъ, что позволеніе на новое изданіе Пушкина дано было съ условіемъ держаться безусловно текста прежняго посмертнаго изданія 1838 г. Такъ какъ послѣднее не заключало въ себѣ пьесъ автора, погребенныхъ въ старыхъ журналахъ и альманахахъ, то для напечатанія такихъ пьесъ требовалось уже новое ходатайство и новое дополнительное согласіе. Отсюда и горячій, настойчивый тонъ издателя, убѣждающаго судей въ томъ, что, повидимому, не требовало никакихъ доказательствъ. Само рѣшеніе ихъ разбирать старую пьесу Пушкина уже было выигрышемъ, свидѣтельствуя о тайномъ сочувствіи къ плану издателя, чего онъ и добивался. Пьеса «Къ другу-стихотворцу» прошла невозбранно, удержавъ за собой и слово «батюшка», но слово *отшельникъ*, вмѣсто «священникъ», такъ и осталось за штатомъ. Впрочемъ, эта замѣна никого не обманывала. Какъ она, какъ и точки въ стихѣ: «Какъ... васъ учу, такъ»—и пр.

легко восстанавливались и тогда: «священникъ»; «какъ въ церкви васъ учу». Притомъ же издатель напечаталъ подставное слово: *отшельникъ* курсивомъ въ текстѣ и еще упомянулъ о немъ въ примѣчаніи къ стихотворенію. «Вѣстникъ Европы» 1880 (сентябрь), перепечатавъ пьесу, безъ измѣненій и пропусковъ, изъ «Вѣстника Европы» 1814 г., косвенно намекнулъ тѣмъ на любопытный фактъ, что литературный языкъ 1814 г. былъ свободнѣе того же языка въ 1856, и называлъ вещи и предметы настоящими ихъ именами, что уже возбранялось позднѣе.

II.

Къ исключенію:

Объясненія издателя.

На оборотѣ стр. 7 (по рукописи), окончаніе стихотворенія: «Блаженство»:

«Счастливъ юноша въ мечтахъ!
Выпивъ чашу золотую,
Наливаетъ онъ другую;
Пьетъ ужъ третью; но въ глазахъ—
Видь окрестный потемнилъ
И несчастный—утомилъ.
Томну голову склона,
— Научи, сатиръ, меня,
Говорить пастухъ со вздохомъ,
Какъ могу бороться съ рокомъ?
Какъ могу счастливымъ быть?
Я не въ силахъ больше пить.—
— Слушай, юноша, любезный,
Вотъ тебѣ совѣтъ полезный:
Мигъ блаженства вѣкъ лови!
Помни дружбы наставленья:
Безъ вина здѣсь нѣтъ веселья,
Нѣтъ и счастья безъ любви;
Такъ поди-жъ теперь съ похмѣльемъ
Съ Купидономъ помприся,
Позабудь его обиды
И въ объятіяхъ Дориды
Снова счастьемъ насладишься».

Это стихотвореніе тоже принадлежитъ къ самымъ первымъ произведеніямъ Пушкина и напечатано въ «Вѣстникѣ Европы» 1814 г. Оно гораздо приличнѣе многихъ, такъ-называемыхъ, лицейскихъ стихотвореній, вошедшихъ въ составъ посмертнаго изданія и Высочайше дозволенныхъ и нынѣ къ перепечатанію. Всѣ первые опыты Пушкина имѣютъ теперь значеніе чисто историческое и потому, кажется, совершенно безвредны. Они важны только тѣмъ, что показываютъ, какъ отъ французскихъ подражаній Парни, Гревуру, Шолье и проч. — перешелъ онъ къ серьезнымъ, чисто народнымъ и, по временамъ, глубоко религиознымъ произведеніямъ. Для показанія этого поэтического хода въ развитіи поэта преимущественно и собраны они были издателемъ—и на это указываютъ какъ сама біографія, такъ и всѣ примѣчанія къ симъ раннимъ произведеніямъ его музы. Къ тому же, въ болѣе гладкой и искусной формѣ подобныя стихотворенія и нынѣ допускаются къ печати обыкновенной цензурой.

(Пьеса получила одобреніе къ печати и пуританизмъ цензора не признанъ достаточной причиной ея устраниенія).

III.

Къ исключенію:

На об. стр. 30 (по рук.), цѣликомъ
все стихотвореніе «Элегія».

«О ты, которая изъ дѣтства
Зажгла во мнѣ священный жаръ!

. . . . .

Я звучнымъ строемъ пѣсней новыхъ
Тебя привѣтствовать дерзалъ —
Будилъ молчанье скалъ суровыхъ
И слухъ ничтожныхъ устрашалъ;
Услышать пѣснь мою потомки
Средь отдаленнѣйшихъ вѣковъ
И лиры гордые обломки
Переживуть вѣнки льстецовъ».

Объясненіе издателя.

Кромѣ того, что вся эта элегія, кажется, не имѣетъ ясныхъ поводовъ къ исключенію, но она уже была помѣщена на нашихъ глазахъ въ журналѣ «Современникъ» 1850 г., почерпнувшимъ ее изъ стараго альманаха «Сѣверная Звѣзда» 1829 г. Это не одинъ примѣръ участіи стихотвореній Пушкина, о которой упомянуто выше.

(Пьеса была пропущена, благодаря этому указанію на противорѣчія цензурнаго вѣдомства съ самимъ собою. вмѣстѣ съ другими подобными же указаніями, довѣренность къ его опредѣленіямъ была сильно поколеблена, какъ мы слышали, въ глазахъ главнаго комитета. «Современникъ» оказалъ услугу изданію, напечатавъ пьесу прежде всѣхъ).

IV.

На стр. 9 (по рукописи):

а.

Окончаніе стихотв. «Къ Н. Г. Л.—ву».

«Когда-жъ пойду на новоселье
(Заснуть, вѣдь, общій всѣмъ удѣлъ),
Скажи: дай Богъ ему веселье!
Онъ въ жизни хоть любить умѣлъ.

б.

Четыре стиха, напечатанные въ первомъ изданіи «Руслана и Людмилы» (1820), но не вошедшіе во второе (1828):

Ужели Богъ намъ далъ одно
Въ подлунномъ мірѣ наслажденье?
Вамъ осядутся въ угѣшенье
Война, и музы, и вино.

Первое изъ этихъ мѣстъ, кажется, не заключаетъ въ себѣ намѣренія какого-либо непримичнаго намека, а вторыя два составляютъ варианты къ поэмѣ «Русланъ и Людмила», которые издатель проситъ позволенія обозначить, по крайней мѣрѣ, однимъ первымъ стихомъ, если не могутъ быть допущены въ печать вполнѣ.

С.

Пять стиховъ «Руслана и Людмилы»,
такимъ же образомъ не введенные
изъ перваго изданія во второе:

«Не правъ фернейскій злой крикунъ!
Все къ лучшему—теперь колдунъ
Иль магнетизмомъ лечить бѣдныхъ
И дѣвочекъ худыхъ и блѣдныхъ—
Пророчить, издаетъ журналъ:
Дѣла, достойныя похвалъ!»

(Оба выпуска находятся въ при-
мѣчаніи издателя къ «Руслану»).

(Допущены вполне, какъ и окончаніе стихотворенія «Къ Н. Г. Л—ву». Приходится опять задавать себѣ вопросъ: какими соображеніями могъ руководиться цензоръ, осуждая на изгнаніе стихи, не представляющіе даже и тѣни чего-либо похожего на вольнодумство. Впрочемъ далѣе увидимъ, что тотъ же цензоръ нашелъ предосудительнымъ и само предисловіе Пушкина ко 2-му изданію поэмы, имѣвшее въ виду исключительно критиковъ этого произведенія).

3.

Мѣста, присужденныя цензоромъ къ исключенію изъ прозаическихъ статей и замѣтокъ Пушкина, болшинство которыхъ тоже не попало въ посмертное изданіе 1838—41.

I.

Къ исключенію:

Объясненіе издателя.

На об. стр. 12 (по рук.), въ статьѣ «Замѣтка на сцену изъ фонъ-Визина: Разговоръ у княгини Халдиной» Пушкинъ, разбирая характеръ Сорванцова, одного изъ дѣйствующихъ лицъ этой сцены, говоритъ:

«Онъ продаетъ крестьянъ въ рекруты и умно разсуждаетъ о просвѣщеніи. Онъ взятокъ не беретъ изъ тщеславія и хладнокровно извиняетъ бѣдныхъ взятобрателей. Словомъ, онъ истинно русскій баричъ прошлаго вѣка».

Этотъ разборъ неизданной сцены фонъ-Визина написанъ Пушкинымъ въ 1831 году и тогда же напечатанъ въ «Литературной Газетѣ» Дельвига. Сцена вошла въ составъ Смирдинскаго изданія фонъ-Визина. Какъ она, такъ и разборъ Пушкина извѣстны всѣмъ болѣе 20 лѣтъ, да и само мѣсто, кажется, содержитъ осужденіе поступковъ выдуманнаго лица и злоупотребленій фонъ-Визинскаго времени, не имѣющаго никакихъ отношеній къ настоящему. Такія злоупотребленія и тогда преслѣдовались публикою въ комедіяхъ и сценахъ.

(Мѣсто возобновлено по приговору комитета, но осужденіе его предварительной цензурой опять свидѣтельствуеетъ, что въ ея практикѣ—замѣтки, свободно являвшіяся на свѣтъ въ 1831 г., уже возбуждали тревогу, хотя бы касались и такихъ явленій, съ которыми боролось само правительство).

II.

Къ исключенію:

На об. стр. 67 (рук.), отрывокъ изъ письма Пушкина къ Погодину и замѣчаніе сего послѣдняго. Поводомъ для того и другого служило стихотвореніе: «Герой».

Письмо Пушкина:

«Посылаю вамъ изъ моего Патмоса апокалиптическую пѣснь. Напечатайте, гдѣ хотите, хоть въ «Вѣдомостяхъ»; но прошу васъ и требую именемъ нашей дружбы — не объявлять никому моего имени. Если московская цензура не пропуститъ ее, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени и не моею рукою переписанную».

Замѣчаніе Погодина:

«Я напечаталъ стихи тогда же въ «Телескопѣ» и свято хранилъ до сихъ поръ тайну. Кажется, должно перепечатать ихъ теперь. Разумѣется, не вужно припоминать, что число, выставленное Пушкинымъ подъ стихотвореніемъ послѣ многозначительнаго: Утѣшись! «29 сентября 1830», есть день прибытія государя императора въ Москву, во время холеры».

Объясненіе издателя.

Мѣсто это требуетъ поясненія. Пушкинъ написалъ въ 1830 патриотическое стихотвореніе: «Герой», гдѣ удивляется великодушію государя императора, посѣтившаго лично Москву въ самое развитіе тамъ холеры. Стихотвореніе напечатано было тогда въ журналѣ «Телескопъ», а по смерти автора въ изданіи его «Сочиненій» 1838 г. (Томъ IX, стр. 218) съ тѣмъ примѣчаніемъ г. Погодина, которое тутъ изложено. Такимъ образомъ оно уже имѣло и имѣетъ Высочайшее дозволеніе на перепечатку его, да и скрыть благороднѣйшее чувство удивленія къ поступку государя, вырвавшееся безкорыстнѣйшимъ образомъ у Пушкина, было бы оскорбительно для памяти послѣдняго.

(Оба текста были, конечно, возобновлены, но промахъ, почти анти-правительственный, со стороны предварительной цензуры поставленъ былъ ей на видъ комитетомъ, какъ мы слышали, и много способствовалъ къ устраненію ея доводовъ, которыми она защищала свои приговоры. Такихъ противоправительственныхъ запрещеній, хотя и менѣе яркихъ, чѣмъ въ настоящемъ случаѣ, цензура дѣлала тогда сплошь и рядомъ).

III.

Къ исключенію:

На стр. 3 (рук.), выписка изъ предисловія къ поэмѣ «Русланъ и Людмила», напечатаннаго при второмъ ея изданіи (1828).

«Долгъ искренности требуетъ также упомянуть о мнѣніи одного изъ увѣнчанныхъ первоклассныхъ отечественныхъ писателей, который, прочитавъ «Руслана и Людмилу», сказалъ: Я тутъ не вижу ни мыслей, ни чувства, вижу только чувственность. Другой (а можетъ быть и тотъ же) первоклассный отечественный писатель привѣтствовалъ сей первый опытъ молодого поэта слѣдующимъ стихомъ:

«Мать дочери велитъ на эту сказку
плюнуть.

18 февр. 1828».

Объясненіе издателя.

Все это мѣсто изъ предисловія къ «Руслану», изданія 1828 г.—относится къ г. Каченовскому, котораго Пушкинъ проницательно называетъ первокласснымъ писателемъ и который постоянно нападалъ на всѣ произведенія Пушкина. Выпускомъ этого мѣста обезобразится весь отрывокъ, извѣстный тоже уже болѣе 15 лѣтъ и который уже нѣсколько разъ былъ перепечатываемъ въ журналахъ.

(Отрывокъ прошелъ благополучно, но здѣсь любопытны причины, заставившія издателя отнести пушкинскій намекъ на Каченовскаго. Вообще трудно сказать теперь, кого подразумѣвалъ Пушкинъ въ своей замѣткѣ, но если позволять себѣ догадки, то скорѣе можно думать, что она относилась къ маститому уже и тогда и не совсѣмъ благорасположенному къ поэмѣ И. И. Дмитриеву. Цензоръ видимо руководимъ былъ мыслию, при запрещеніи отрывка, что первоклассный отечественный писатель, кто бы онъ ни былъ, долженъ состоять подъ покровительствомъ распоряженія, не дозволяющаго критическихъ отношеній къ образцовымъ писателямъ, и тогда возникала необходимость отыскать мнѣе знаменитое имя для того, чтобы согласить комитетъ на удержаніе пушкинской замѣтки вполнѣ. Каченовскій сдѣлался передъ комитетомъ невольной жертвой безнравственной борьбы, которая столько лѣтъ велась между писателями и толкователями цензурнаго устава. Къ такого рода уловкамъ и сокрытіямъ вынуждены были тогда прибѣгать всѣ редакторы журналовъ и всѣ писатели, безъ исключенія, что и составляло самую безобразную часть ихъ сношеній съ цензурой).

IV.

Къ исключенію:

На стр. 216 и 217 слѣдующая отдѣльная замѣтка:

«Иностранцы, утверждающіе, что въ древнемъ нашемъ дворянствѣ не существовало понятія о чести (point d'honneur) очень ошибаются. Сія честь, состоящая въ готовности жертвовать всѣмъ, для поддержанія какого-нибудь условнаго правила, во всемъ блескѣ своего безумія видна въ древнемъ нашемъ мѣстничествѣ. Боаре пли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословныя распри. Юный Феодоръ, уничтоживъ сію слѣсивую дворянскую оппозицію, сдѣлалъ то, на что не рѣшились Іоаннъ III, ни нетерпѣливый внукъ его, ни тайно злобствующій Годуновъ».

(Мысль Пушкина отъ 1828 г. не оказалась опасной и для публики 1853 г., и была пропущена).

Объясненіе издателя.

Этотъ отрывокъ изъ «Мыслей» Пушкина, напечатанныхъ въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1828 г., во всемъ схожъ съ тѣмъ, что всякій ученикъ можетъ слышать отъ учителя исторіи въ гимназическомъ курсѣ. Здравомысліе Пушкина еще обнаруживается тутъ весьма замѣчательнымъ образомъ посредствомъ сравненія безумства мѣстничества съ безумствомъ какого-нибудь point d'honneur, который, несмотря на предписаніе разсудка и самаго закона, вооружаетъ людей для поединка и смертоубійства.

V.

Къ исключенію:

Изъ возраженія Пушкина на статью г. Броневскаго объ «Исторіи Пугачевского бунта». Въ этой анти-критикѣ Пушкинъ говоритъ на стр. 132 (рук.):

а.

«*Политическія и право-учительныя размышленія*, коими г. Броневскій украсилъ свое повѣствованіе, слабы и пошлы и не вознаграждаютъ читателей за недостатокъ фактовъ, точныхъ извѣстій и яснаго изложенія происшествій. Напримѣръ...»

б.

Текстъ Броневскаго, приводимый Пушкинымъ, въ подстрочномъ примѣчаніи для примѣра пошлыхъ размышленій своего критика:

«Нравственный міръ, также какъ и физическій имѣетъ свои феномены, способные устрашить всякаго любо-

Объясненіе издателя.

Весь параграфъ (а) принадлежитъ къ полемикѣ Пушкина съ г. Броневскимъ. Мѣсто о Пугачевѣ (пар. б) принадлежитъ г. Броневскому, и какъ онъ приводилъ мѣста изъ Пушкина, казавшіяся ему слабыми и ничтожными, такъ и Пушкинъ пользуется правомъ такового же разбора въ отношеніи къ своему критику. Для отстраненія всякой двусмысленности, слѣдуетъ, можетъ статься, выпустить первыя два прилагательныя и начать статью такъ: .... «Размышленія, коими» и пр.

пытнаго, держающаго разсматривать оныя. Если вѣрить философамъ, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ стихій, добра и зла—то Емелька Пугачевъ безспорно принадлежитъ къ рѣдкимъ явленіямъ, къ извергамъ, внѣ законовъ природы рожденнымъ, ибо въ естествѣ его не было и малѣйшей искры добра, того благого начала, той духовной части, которая разумное твореніе отъ безмысленнаго животнаго отличаютъ. Исторія сего злодѣя можетъ изумить порочнаго и вселить отвращеніе даже въ самыхъ разбойникахъ и убійцахъ. Она вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, какъ низко можетъ падать человѣкъ, и какою адскою злобою можетъ быть исполнено его сердце. Если бы дѣянія Пугачева подвержены были малѣйшему сомнѣнію, я съ радостію вырвалъ бы страницу сію изъ моего труда!»

(Къ счастію, никакихъ выпусковъ на этотъ разъ не понадобилось, потому что комитетъ, дозволившій все мѣсто, принялъ на себя работу успокоить сомнѣніе представителя цензуры относительно возможности *попавшихъ размышленій политическихъ и нравственныхъ*,—сомнѣніе, которое и было поводомъ къ исключенію пушкинской замѣтки и горячо, какъ мы слышали, имъ отстаивалось. Любопытно, что наравнѣ съ Пушкинымъ долженъ былъ пострадать и текстъ Броневскаго, ибо и его тирада, взятая изъ критической статьи, напечатанной въ «Сынѣ Отечества» 1835 г., тоже приговорена была къ устраненію. И судья, и подсудимый одинаково оказывались въ неправильномъ положеніи передъ цензурой. Правда, что этимъ способомъ устранялась вообще литературная полемика, которой всего болѣе и боялось цензурное вѣдомство).

VI

и послѣднее мѣсто.

Къ исключенію:

Въ статьѣ: «Россійская Академія» два мѣста:

а.

Выписка, которую Пушкинъ дѣлаетъ изъ журнала: «Собесѣдникъ любителей

Объясненіе издателя.

Эти два мѣста изъ статьи Пушкина, напечатанной въ «Современникѣ» его собственнаго изданія 1836 года и, стало быть, уже знакомой всей русской публикѣ, весьма различны по значе-

русскаго слова» 1783 г., гдѣ находились вопросы фонъ-Визина и отвѣты на нихъ императрицы Екатерины II и которая гласить:

«Вопросъ фонъ-Визина: Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ и весьма большіе? Отвѣтъ: Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли. NB. Сей вопросъ родился отъ свободозычія, котораго предки наши не имѣли».

«Сии отвѣты, прибавляетъ Пушкинъ, писаны самой императрицей».

б.

Слѣдующее мѣсто о Карамзинѣ:

«Пребываніе Карамзина въ Твери ознаменовано еще однимъ обстоятельствомъ, важнымъ для друзей его памяти, неизвѣстнымъ еще для современниковъ. По вызову госуд. великой княгини, женщины съ умомъ необыкновенно возвышеннымъ, Карамзинъ написалъ свои мысли «О древней и новой Россіи» со всею искренностію прекрасной души, со всею смѣлостію убѣжденія сильнаго и глубокаго. Государь прочелъ эти краснорѣчивыя страницы—прочелъ и остался по прежнему милостивъ и благосклоненъ къ прямодушному своему подданному. Когда-нибудь потомство оцѣнитъ и величіе государя и благородство патріота...

нію своему. Первое (буква а) есть выписка изъ стараго журнала, въ которомъ участвовала, какъ не безызвѣстно, сама императрица Екатерина II. На дерзкій и неосновательный вопросъ фонъ-Визина, она возразила строго, что заставило, какъ тоже не безызвѣстно, самого фонъ-Визина просить прощенія въ неосмотрительности своей. Это принадлежитъ къ анекдотамъ ея царствованія, повтореннымъ во многихъ книжкахъ. Въ этомъ мѣстѣ предполагается даже исключить фразу Пушкина: «Сии отвѣты писаны самой императрицей», которая уже необходима для пониманія предшествующихъ вопросовъ, не осужденныхъ цензоромъ. Издатель проситъ объ удержаніи ея.

Что касается до второго мѣста (буква б), то, представляя его благоусмотрѣнію начальства, осмѣлюсь только прибавить, что вся статья Пушкина состоитъ изъ 4½ страницъ, съ которыми публика уже ознакомлена, какъ сказано выше. Выпускъ этого мѣста, столь важнаго для священной памяти благословеннаго государя и для уважаемой памяти исторіографа, былъ бы, можетъ статья, замѣченъ читающими. Еще основательнѣе покажется это опасеніе, по отношенію къ обоимъ мѣстамъ, если вспомнить, что вопросы фонъ-Визина и отвѣты императрицы Екатерины II напечатаны уже цѣлкомъ въ изданіи сочиненій фонъ-Визина 1852 года, а многочисленные отрывки изъ разсужденія Н. М. Карамзина: «О древней и новой Россіи» приложены въ изданіи его «Сочиненій» г. Эйнерлингомъ.

(Несмотря на усилія издателя, старавшагося, какъ видимъ, для спасенія спорныхъ мѣстъ, затронуть самыя чувствительныя стороны въ умѣ судей—успѣхъ на этотъ разъ не вполне увѣнчалъ его трудъ. Выписка изъ журнала 1783 г. съ щекотливымъ вопросомъ ф.-Визина была безусловно отвергнута, всего вѣроятнѣе потому, что въ отрывкѣ этомъ упоминалось о *большихъ чинахъ*, хотя при вторичномъ своемъ появленіи послѣ 1783 г. въ «Современникѣ» 1836, онъ нисколько не обратилъ на себя

особеннаго вниманія публики. вмѣстѣ съ нимъ погибла и фраза Пушкина, такъ необходимая для пониманія сущности дѣла. Той же участи, вѣроятно, подверглась бы и замѣтка о Карамзинѣ, если бы не нашла, какъ тогда было слышно, горячихъ защитниковъ въ лицѣ одного развитаго члена комитета и самого министра народнаго просвѣщенія, высоко цѣнившихъ смѣлость и патріотическое одушевленіе сужденій Карамзина о дѣлахъ своей эпохи. Пушкинъ былъ чуть-ли не первымъ человѣкомъ у насъ, заговорившимъ публично о «Древней и Новой Россіи» Карамзина. Дотолѣ трактатъ ходилъ по рукамъ секретно, въ рукописяхъ, какъ оппозиціонный и, по мнѣнію многихъ, даже агитаторскій голосъ неприваннаго совѣтника. Пушкинъ, наканунѣ своей смерти, собирался вывести записку Карамзина изъ состоянія *подпольной* литературы, въ которомъ она обрѣталась, и предполагалъ напечатать обширныя выписки изъ нея въ «Современникѣ» 1837 г. (Мысль его приведена отчасти въ исполненіе продолжателями «Современника» уже послѣ него). Эти свѣдѣнія мы почерпаемъ изъ статьи, напечатанной въ томъ же изданіи «Сочиненій Пушкина» 1855 — 57 г. (т. VII, стр. 122 — 123, часть II), которая также и облегчаетъ работу будущихъ издателей и библіографовъ, по восстановленію полнаго текста его прозаическихъ статей, указывая на первоначальныя, не искаженныя еще ихъ редакціи, являвшіяся въ журналахъ и альманахахъ).

Заключеніе «записки» издателя:

Представляя всѣ сія 19 мѣстъ на обсужденіе начальства, издатель «Сочиненій Пушкина» рѣшается повторить свое письменное завѣреніе, что онъ пользуется даннымъ ему на это дозволеніемъ единственно изъ желанія составить изданіе, которое удовлетворяло бы какъ всѣ требованія цензурныя, такъ и ожиданія публики и могло бы служить образцемъ для послѣдующихъ предпріятій въ томъ же родѣ.

Таково содержаніе характерной «записки». Позволяемъ себѣ прибавить къ ней еще нѣсколько строкъ.

Въ результатѣ изложенной здѣсь тяжбы, подробности которой легко могли прискучить читателю по причинѣ безконечнаго повторенія одной и той же главной тѣмы съ такимъ же однообразнымъ повтореніемъ и реплики на нее—оказалось, однако же, весьма важное пріобрѣтеніе. За исключеніемъ двухъ-трехъ мѣстъ, тексты Пушкина прорвались сквозь волшебное цензурное кольцо, которымъ были обведены. Успѣхъ этотъ ни-

какъ нельзя отнести къ убѣдительности или неотразимости доводовъ, отысканныхъ «запиской». Что значили доводы и доказательства тамъ, гдѣ судьба процесса всецѣло зависѣла отъ личныхъ настроеній присутствующихъ, отъ ихъ воззрѣній, имѣвшихъ свою аргументацію и свою логику, которыя уже никакому обсужденію не подлежали. Можно съ достовѣрностію сказать, что исходъ тяжбы былъ бы совсѣмъ иной, если бы въ теченіи ея не обнаружались симпатіи самого министра народнаго просвѣщенія и вліятельной части его канцеляріи къ дѣлу истца. Не говоря уже о томъ, что «записка» была ими очень внимательно прочитана, но канцелярія еще дополнила ее своими указаниями и соображеніями, которыя казались наиболѣе пригодными въ настоящемъ случаѣ. Мы видѣли черновую рукопись «записки» съ поправками, ссылками на уставы и законодательство, сдѣланными рукой канцелярскаго чиновника — и не тайно, украдкой, а просто, какъ дѣлаются обыкновенныя редакторскія поправки въ нужной бумагѣ. Канцелярской тайной осталось только все происходившее въ засѣданіяхъ трибунала. Какого рода пренія тамъ завязались около «записки» или ихъ вовсе не было; кто состоялъ въ числѣ ея защитниковъ и ея противниковъ, даже и то, докладывалась ли «записка» формальнымъ образомъ или только служила справкой во время совѣщаній. Темные слухи оттуда, доходившіе до заинтересованныхъ лицъ, ограничивались мелочами и ничего существеннаго не представляли. Достовѣрно одно, что министръ народнаго просвѣщенія излагалъ свои мнѣнія въ ея духѣ, наперекоръ своему подчиненному, попечителю учебнаго округа, который отстаивалъ помарки цензора почти какъ политическую необходимость и, выходя изъ засѣданія, промолвивъ съ негодованіемъ: «Еще не бывало, чтобы цѣлое вѣдомство пожертвовано было неизвѣстно откуда взвѣшемуся господину». Это разнорѣчіе въ министерствѣ было своего рода знаменіемъ времени, обѣщавшимъ близкое паденіе обычной цензурной практики. Старая система цензуры, состоявшая въ водвореніи неизменности мысли и безцвѣтности содержанія въ литературѣ, дошла до апогея своего развитія и стала производить исключительно массы нелѣпныхъ приговоровъ и непостижимыхъ запрещеній, возбуждавшихъ общій смѣхъ. По всему русскому міру читателей ходили анекдоты о рѣшеніяхъ, замѣткахъ и поправкахъ цензуры, достойныхъ какого-нибудь каррикатурнаго лица въ незатѣйливомъ видевицѣ, что и заставило сказать одно очень высоко-поставленное лицо (гр. Д. Н. Блудова) и въ очень вліятельномъ салонѣ, во всеуслышаніе: наши цензора сродни паясамъ. Общество потѣ-

шалось рассказами о штукаxъ, выкидываемыхъ ими, но надо прибавить — оно и негодовало. Система изжила самое-себя до безобразія. Этому обстоятельству, можетъ быть, и слѣдуетъ всего болѣе приписать снисхожденіе, оказанное издателю. и считать возрождавшееся требованіе на человѣческій смыслъ въ управленіи печатью — лучшимъ и сильнѣйшимъ его помощникомъ въ веденіи всего дѣла.

Заведенный порядокъ однакоже не такъ скоро уступаетъ мѣсто другимъ, смѣняющимъ его порядкамъ. Изданіе Пушкина 1855 въ полномъ его составѣ висѣло на волоскѣ вплоть до своего появленія. Когда воспослѣдовала окончательная санкція, дававшая право на выпускъ въ свѣтъ и всѣхъ произведеній Пушкина, дополняющихъ старое изданіе и уже провѣренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія—возникъ вопросъ, какъ понимать слова, которыми она сопровождалась: «безъ всякихъ прибавокъ и *неумѣстныхъ умничаній* по ихъ поводу». Представлялась возможность примѣнить послѣднее изъ этихъ рѣшеній къ біографіи и примѣчаніямъ, собраннымъ въ изданіи и отказать имъ въ пропускѣ, за что уже и были поданы голоса; и являлась возможность отнести рѣшеніе къ критикамъ и рецензіямъ, которыя могутъ явиться послѣ изданія. Министерство народнаго просвѣщенія растолковало его въ послѣднемъ смыслѣ и приняло на себя отвѣтственность за такое пониманіе его сущности, чѣмъ и открыло дорогу въ свѣтъ труду издателя въ полномъ его объемѣ.

Вотъ при какихъ условіяхъ приходилось работать надъ изданіемъ Пушкина не далѣе какъ въ 50-хъ годахъ...

II. АННЕНКОВЪ.

